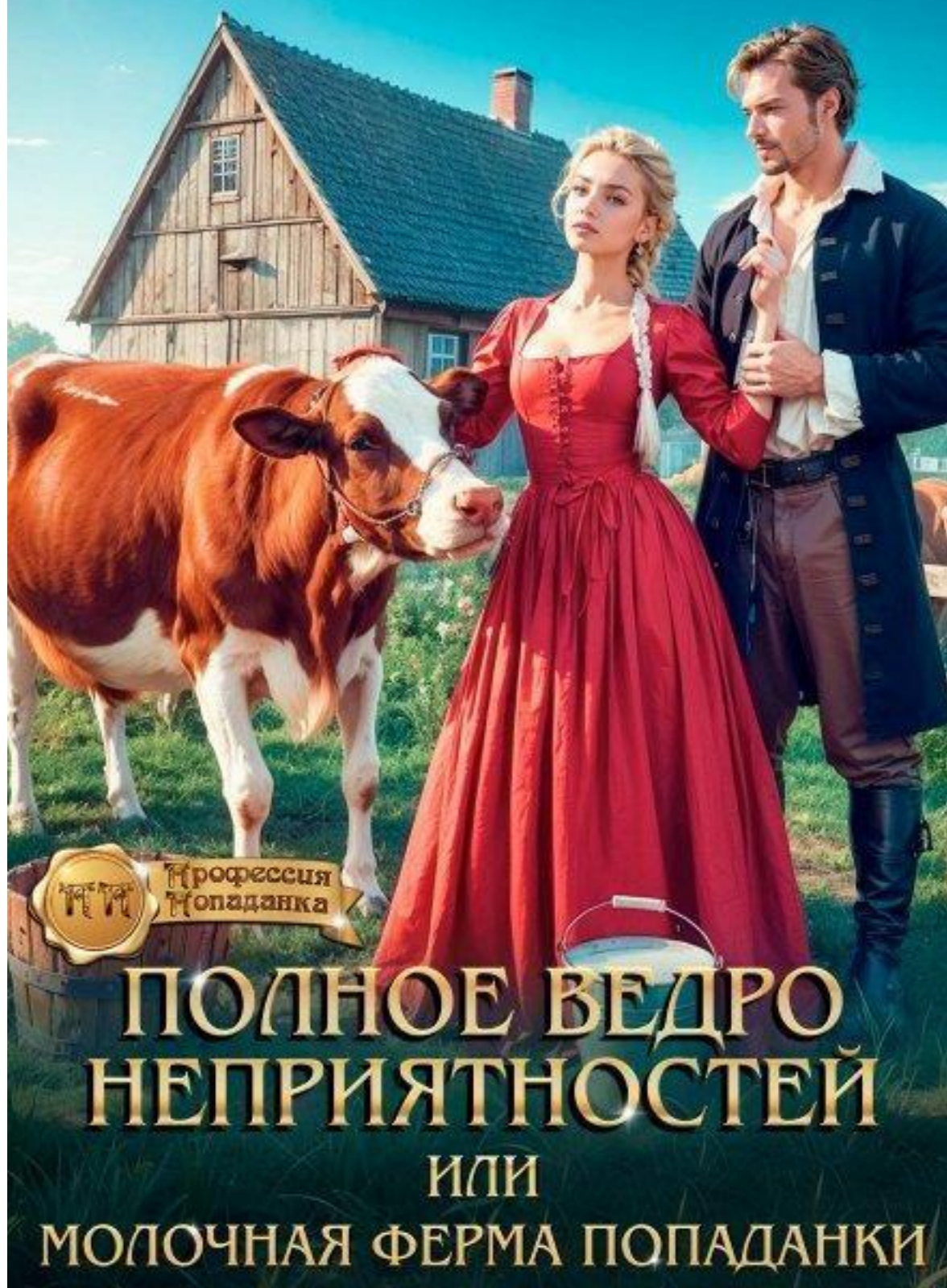

ХЕЛЕН ГУДА АГНИЯ СКАЗКА

Профессия
Попаданка

ПОЛНОЕ ВЕДРО НЕПРИЯТНОСТЕЙ

ИЛИ
МОЛОЧНАЯ ФЕРМА ПОПАДАНКИ

Хелен Гуда

**Полное ведро неприятностей
или молочная ферма попаданки**

«Литнет»

2025

Гуда Х.

Полное ведро неприятностей или молочная ферма попаданки /
Х. Гуда — «Литнет», 2025

Вот мне тётушка подсуропила: оставила ферму в наследство, да ещё и в другом мире! Лиха беда начало, справлюсь, благо опыт имеется, вот только все работники разбежались из-за... коровы-прорицательницы! Бросить бы всё это, да ушлый нотариус не предупредил, что назад дороги нет! Ничего, ферму восстановлю, коровку укрошу. Понять бы ещё, что за типчик вокруг всё время крутится? Тот самый таинственный владелец земель, которого никто никогда не видел, а может какой-нибудь инспектор, подозревающий меня в чёрной магии, или?.. Ой, мамочки... Книга пишется в рамках литмоба_профессия_попаданка

© Гуда Х., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1.	5
Визуалы	9
Глава 2.	16
Глава 3.	19
Глава 4.	25
Глава 5.	30
Глава 6.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1.

Солнце, как назло, в этот день решило устроить мне персональную пытку. Лучи били прямо в глаза, заставляя щуриться и без того измученные недосыпом веки. Я нервно поправила воротник своей единственной приличной блузки – белой, с наивными рюшами. Куплена она была еще в "доферменный" период моей жизни, когда я могла позволить себе думать о моде, а не о надоях и кормах. Сейчас эта блузка казалась мне осколком прошлой, счастливой жизни, словно насмешливо напоминая о том, что я потеряла. Сегодня важный день. Собеседование. Менеджер по продажам в какой-то фирме, торгующей удобрениями. "Агропром-Сервис", кажется. Звучит как насмешка. Конечно, это не ферма, не моя "Солнышко", но хоть что-то. Хоть какая-то соломинка, чтобы не утонуть в пучине отчаяния.

Идти было недалеко, всего пара кварталов, но каждый шаг отдавался в голове гулким эхом недавнего кошмара. Суд. Развод. Он. Мой бывший, Сергей, с его самодовольной ухмылкой, ввевшейся в память, словно кислота. Я до сих пор слышала стук судейского молотка, отбивающего ритм моей личной трагедии, ритм моей жизни, рушащейся на глазах. Тупой, бессердечный звук, приговаривающий меня к нищете и забвению.

– Ферма... передается в единоличное владение Сергею Ивановичу...

Ферма. Моя ферма! "Солнышко", как я ее ласково называла. Земля, в которую я вложила душу, каждую клеточку своего тела. С любовью выпестованная, политая потом и слезами. Сколько бессонных ночей, сколько мозолей, сколько нервов было потрачено, чтобы превратить захудалый участок в процветающее хозяйство. И теперь она – его. Представляю, как он там разгуливает, поглаживает своих новых коров, отправив моих на скотобойню, хвастается новеньким цехом по переработке молока. Цехом, который я, блин, сама выбила. Выгрызла зубами у банковских клерков. Цехом, в который я вложила последние сбережения, мечтая о будущем.

Я сжала кулаки до побелевших костяшек, стараясь унять клокочущий внутри гнев. Нельзя сейчас об этом думать. Нельзя позволить прошлому захлестнуть меня, иначе я просто утону. Нужно сосредоточиться на собеседовании. Улыбаться, быть уверенной в себе, показать, что я – идеальный кандидат. Доказать им, доказать себе, что я еще чего-то стою.

Задумавшись, погрузившись в болезненные воспоминания, я не заметила, как подошла к перекрестку. Зеленый свет. Шаг. И...

Ощущение, будто меня слили шаром для боулинга, при условии, что я кегля. Мощный толчок в спину, и я кубарем покатила по шершавому асфальту, чувствуя, как колени предательски пробивает острой, обжигающей болью. В голове все перевернулось, мир закружился в хаотичном танце.

– Ой, простите, пожалуйста, – услышала я взволнованный, писклявый голос, пробивающийся сквозь звон в ушах.

С трудом подняв голову, я увидела перед собой... нечто сюрреалистичное. Огромного, ярко-синего попугая ара, восседающего на плече у мужчины в нелепой, кричащей гавайской рубашке. Попугай, видимо, решил, что я – отличная жердочка, и попытался приземлиться прямо на меня, используя мою спину как аэродром.

– Кеша, ну что ж ты творишь, – воскликнул мужчина, пытаясь безуспешно стащить птицу с моей спины. Его голос звучал так, словно он больше беспокоился о попугае, чем обо мне.

Кеша, видимо, был не согласен с планом эвакуации. Он издал пронзительный, оглушительный крик, от которого у меня заложило уши, и вцепился когтями в мою несчастную блузку. Ткань предательски хрустнула, словно ломались мои последние надежды, и на груди образовалась внушительная дыра, сквозь которую, к моему ужасу, проглядывало... кружевное белье. Мое любимое, белое, кружевное белье, которое я надела в надежде придать себе хоть немного уверенности. И вот, оно выставлено на всеобщее обозрение, благодаря попугаю-террористу.

Я попыталась закрыть образовавшуюся дыру дрожащими руками, но Кеша, решив, что это веселая игра, клюнул меня прямо в палец. Больно, до слез.

– Ай, – взвизгнула я, отдергивая руку и чувствуя, как по лицу начинают катиться слезы. От боли, от обиды, от бессилия.

Мужчина, наконец, с отчаянным рывком, оторвал Кешу от меня. Попугай, обиженно ворча и почесывая когтем клюв, уселся обратно на его плечо, словно ничего и не произошло.

– Простите, простите, тысячу раз простите, – тараторил мужчина, его лицо было перекошено от вины. – Кеша у меня немного... эксцентричный. Он думает, что все вокруг – это его личная игровая площадка. Давайте я вам оплачу химчистку, новую блузку... что угодно. Я готов компенсировать все ваши убытки.

Я посмотрела на свою разорванную блузку, на исцарапанные коленки, на расплывающееся грязное пятно от падения на асфальт, на испуганные лица прохожих, смотрящих на меня, как на городскую сумасшедшую. На часы я даже смотреть боялась. Я знала, что опоздала, что все кончено.

– Да какое уж тут собеседование... – пробормотала я, чувствуя, как к глазам подступают новые слезы, уже не от боли, а от горькой, всепоглощающей безнадеги. – Опоздала, и выгляжу как... как жертва попугая-убийцы. Как посмешище.

Мужчина с Кешей виновато переглянулись. Попугай, кажется, даже немного притих, словно понимал, что натворил. Его большие, круглые глаза смотрели на меня с каким-то странным, нечитаемым выражением.

– Ну, знаете, – неуверенно произнес мужчина, почесывая Кешу под клювом. – Может, это судьба? Может, вам не стоит работать в этой фирме с удобрениями? Может, вам стоит... завести своего попугая?

Я посмотрела на него, на его наивное, полное сочувствия лицо. Потом на Кешу, с его наглым, самоуверенным видом. Потом снова на свою разорванную блузку, на свои грязные, израненные коленки. И вдруг... я не выдержала и рассмеялась. Истерично, немного безумно, но рассмеялась от души. Смех вырывался из меня, словно пробка из бутылки, освобождая накопившуюся боль и отчаяние.

– Попугая... – выдохнула я, сквозь смех, вытирая слезы грязными руками. – Да, пожалуй, мне как раз не хватало попугая в моей жизни. Это именно то, что мне нужно.

– Ну что вы так, – мне показалось, что хозяин попугая даже немного обиделся и-за моего смеха. – Мы не знаем как выглядит порой перст судьбы.

– Думаете он выглядит как попугай? – я успокоилась и немного грустно посмотрела на Кешу.

– Все может быть, все может быть, – пожал плечами мужчина и уточнив еще раз не нужна ли мне помощь, извинился и ушел по своим делам, а я развернулась и пошла обратно домой. По дороге я все думала чем меня смутил разговор с хозяином попугая, но мысли как-то путались все время и мне не удавалось поймать мысль за хвост, а потом я и вовсе отвлеклась на мужчину, что нетерпеливо звонил и стучал в дверь моей квартиры.

Звук ругательства, прерываемого долбежкой в многострадальную дверь моей квартиры я услышала еще на втором этаже, а моя квартира так-то на четвертом. Естественно дополнением к моему везению стал сломанный лифт, так что я встала на лестничном пролете и посмотрела, кому это я так срочно понадобилась, что этот непонятный человек был готов посадить мне дверь ногой, так отчаянно он в нее колотил.

Первая мысль, что меня посетила: Сергей решил лично позлорадствовать. Я даже заставила меня ускорить шаг, несмотря на ноющую боль в коленях. Но это был не мой бывший, а совершенно незнакомый мне персонаж.

У двери стоял мужчина, одетый... странно. На нем был длинный серый плащ, скрывающий, казалось, любую форму, а на голове – остроконечная шляпа, как у волшебника из дет-

ской сказки. Под шляпой прятались длинные седые волосы и пронзительные, будто смотрящие насквозь, голубые глаза. Он выглядел так, словно сбежал со съемочной площадки какого-то фэнтезийного фильма.

– Кто вы? – настороженно спросила я, прижимая к себе сумку, словно это могло меня защитить.

Мужчина слегка поклонился.

– Я Элдер, и мне необходимо с вами поговорить. Это очень важно.

– О чем мы можем говорить? – Я скрестила руки на груди, прикрывая разорванную ткань блузки и чувствуя, как нарастает раздражение. После сегодняшнего дня мне меньше всего хотелось выслушивать бредни сумасшедшего.

– О наследстве, Алина. О наследстве, которое ждет вас в другом мире.

Я недоверчиво приподняла бровь.

– В другом мире? Вы, наверное, ошиблись адресом. Дурдом этажом ниже, – я мысленно усмехнулась представив как этот косплеер ломится к моей соседке многодетной матери, у которой из-за детей действительно в квартире дурдом.

Элдер покачал головой.

– Нет, не ошибся. Я знаю о вашей ферме, о вашем разводе, о ваших... неприятностях с попугаем, – он усмехнулся, и мне показалось, что в его глазах мелькнул огонек. – Я знаю о вас все, Алина. И я знаю, что вы сейчас находитесь в отчаянном положении, – я ошарашенно уставилась на мужчину и только сейчас поняла, что тот хозяин попугая Кеши сказал что может это судьба, чтобы я не попала на собеседование в эту фирму, хотя я не говорила куда иду, и чем планирую заниматься. Вот, оказывается какая мысль мне не давала покоя все это время. По спине пробежал морозец, и я внимательно уставилась на незваного и неожиданного гостя. Он попал в точку.

– И что же, этот другой мир предлагает мне? – Скептически спросила я, но оглянулась на всякий случай, просчитывая пути отхода и побега.

– Возможность начать все с чистого листа. Землю, плодородную и нетронутую, где урожай сам просится в руки. Должность, уважение... там вас будут знать как госпожу, а не как неудачницу, потерявшую все. И, возможно, любовь, Алина. Искреннюю и настоящую, без корысти и предательства. Там ценят труд и преданность, а не деньги и связи.

Я фыркнула.

– Звучит как дешевая сказка. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, – неужели я до сих пор похожа на дуру, которая поверит в это.

– Может быть. Но у вас есть выбор, Алина? Что вы теряете, если просто выслушаете меня? Здесь, в этом мире, у вас остались только осколки разбитых надежд. Там же вас ждет шанс. Шанс на новую жизнь, на счастье, на то, чтобы снова почувствовать себя хозяйкой своей судьбы, – ох как сладко пел этот Элдер.

Я замолчала, обдумывая его слова. Он был прав. Что я теряю? Работы нет, денег нет, фермы нет... Будущее выглядит туманным и беспросветным. Может быть, стоит рискнуть?

– Хорошо, – выдохнула я. – Говорите. Но если это окажется бредом сумасшедшего, я вызову полицию.

Элдер улыбнулся, и его лицо вдруг показалось мне не таким уж и странным. В его глазах я увидела не безумие, а... что-то иное, но я не успела рассмотреть что же именно там кроется.

– Тогда позвольте мне доказать вам свою правоту, – сказал Элдер, и поднял руку. В его ладони вспыхнул маленький, мерцающий огонек. Он медленно провел рукой в воздухе, и огонек начал расти, превращаясь в сложную, светящуюся фигуру. Я ахнула, пораженная увиденным. В воздухе висела миниатюрная копия моей фермы "Солнышко", с крошечными коровками, пасущимися на лугу, и дымком, идущим из трубы домика. Все было настолько реалистично, что я невольно протянула руку, чтобы потрогать фигурку.

– Это... это невозможно, - прошептала я, пораженная.

– Возможно, Алина. В моем мире возможно все. Это лишь малая часть того, что вас ждет, – он взмахнул рукой, и изображение фермы исчезло.

Он рассказал мне о мире, населенном эльфами, гномами и людьми, о магии, о древних пророчествах и о наследстве, которое принадлежало мне по праву крови, от какой-то тетушки о существовании которой я узнала от него. Я должна была стать владелицей фермы в долине, где магия пронизывала каждый камень. Фермы, нуждающейся в умелой хозяйке. Фермы, которую я могла бы улучшить и расширить. Он упомянул о волшебных травах, исцеляющих животных, о гномьих кузницах, способных выковать плуг крепче стали, и об эльфийских рынках, где можно продать молоко по невероятной цене.

Сначала я слушала его с недоверием и скепсисом. Но чем больше он говорил, тем больше во мне просыпался интерес. Я представила себе плодородные поля, стада коров, пасущихся на зеленых лугах, запах свежего сена... Моя ферма. Моя "Солнышко". Только теперь это будет не просто ферма, а место, где магия переплетается с обыденностью, где возможно все.

– И что мне нужно сделать, чтобы получить это наследство? – спросила я, чувствуя, как в груди разгорается слабый огонек надежды.

Элдер достал из-под плаща свиток, перевязанный тонкой серебряной лентой.

– Здесь акт вступления в наследство. Простая формальность. Прочтите, подпишите, и ферма станет вашей, – произнес мужчина пожимая плечами.

Я взяла свиток дрожащими руками. Бумага была плотной и шероховатой, с вычурными узорами по краям. Текст был написан на непонятном мне языке, но Элдер заверил меня, что он автоматически переведется в моем сознании, когда я возьму перо.

Я прочла акт. Все было просто и понятно. Я, Алина Иванова, отказываюсь от всех прав на имущество в этом мире и принимаю наследство в мире Элдерии, становясь владелицей фермы покойной мадам Августы

– И все? – спросила я, недоверчиво глядя на Элдера. Моя многострадальная жопка подсказывала мне, что где-то здесь должен быть подвох, но сердце так хотело верить в лучшее.

– Все. Если вы согласны, конечно, – кивнул Элдер.

Я кивнула и взяла перо, которое маг-нотариус протянул мне. Оно было сделано из какого-то темного, блестящего дерева, а кончик пера светился слабым синим светом. Я поставила свою подпись внизу акта.

Как только я закончила, свиток вспыхнул ярким пламенем. Я отшатнулась, пораженная, но Элдер лишь улыбнулся. Пламя быстро поглотило бумагу, не оставив после себя ни пепла, ни следа. Только легкий запах лаванды повис в воздухе.

– Теперь вы связаны с Элдерией, - сказал Элдер. – Вы сделали свой выбор. Поздравляю, госпожа Иванова.

Я замолчала, глядя в его пронзительные глаза. Это было безумием. Полным безумием. Но... безумие ли? Или это мой шанс? Мой шанс начать все сначала, построить новую жизнь, найти свое место в мире?

Я вспомнила самодовольную ухмылку Сергея, стук судейского молотка, слезы, катящиеся по моим щекам. Я вспомнила свою "Солнышко", свою любовь, свою мечту, которую у меня отняли. И вдруг, я почувствовала, как в груди разгорается искра надежды. Может быть, еще не все потеряно. Может быть, в этом другом мире меня ждет то, чего я так долго искала.

Я подняла голову и посмотрела Элдеру прямо в глаза.

– Я согласна, – твердо сказала я. – Я согласна отправиться в другой мир.

В глазах Элдера вспыхнул яркий свет. Он протянул руку и коснулся моего лба. Я почувствовала легкое покалывание, а затем... все померкло.

Визуалы

Добро пожаловать в книгу.

Напоминаю, что все события и герои, это выдумка автора, и любые совпадения с реальными людьми, это лишь совпадения и ничего большего.

Алина Иванова - 40 лет. Немного полная блондинка, энергичная и деятельная, готовая к авантюрам, но влюбчивая и потому неверно выбравшая себе спутника жизни.

Сергей Иванов – 45 лет, бывший муж Алины. Скупердяй и прохиндей, который решил обогатиться за счет предприимчивой жены, которая не захотела мириться с с его закидонами и походами налево.

Элдер – маг-нотариус. Хитрый, расчетливый, но не лишен обаяния и даже какого-то шарма.

Глава 2.

Последнее, что я помнила – это пронзительный, как лазерный луч, взгляд Элдера и легкое, словно от прикосновения крыла бабочки, покалывание во лбу. Затем... провал. Не просто темнота, а звенящая, всепоглощающая пустота, словно меня выключили из розетки. Будто я перестала существовать, растворившись в ничто. Не было ни времени, ни пространства, ни даже ощущения себя. Только холодная, безмолвная тьма, которая, казалось, поглощала самую мою душу.

А потом... **ВЗРЫВ!** Взрыв цвета такой силы, что он обжигал сетчатку глаз, даже закрытых. Звук, похожий на симфонию из криков, шепотов и грохота, пронзал барабанные перепонки. Я словно родилась заново, вынырнув из мрачного небытия в ослепительный, хаотичный калейдоскоп ощущений. Меня резко бросило вперед, как жалкую щепку в бурный горный поток, несущийся с бешеной скоростью. Я чувствовала, как вибрирует каждая клетка моего тела, как меня выворачивает наизнанку, перемалывает в неведомой мельнице, крутит и швыряет, словно старую тряпку. В ушах стоял оглушительный гул, перемешанный с неразборчивыми голосами, а перед глазами мелькали размытые, калейдоскопичные картины: искрящиеся потоки энергии, причудливые геометрические фигуры, лица, искаженные то ли ужасом, то ли восторгом, то ли и тем и другим одновременно. Мозг отказывался обрабатывать этот поток информации, захлебываясь в хаосе.

Я закричала, но мой голос утонул в оглушительной какофонии звуков, словно капля воды в океане. Я отчаянно пыталась ухватиться за что-то, почувствовать твердую опору, но вокруг была лишь зыбкая, ускользающая материя, словно я оказалась в кошмарном сне, где все законы физики перестали действовать. Меня швыряло из стороны в сторону, как тряпичную куклу, и я боялась, что меня просто разорвет на части, расщепит на атомы, растворит в этом безумном водовороте энергии. Страх сковал меня, парализовал, лишил воли. Я просто беспомощно барахталась в этом хаосе, ожидая неминуемой гибели.

Наконец, мучения прекратились так же внезапно, как и начались. Меня с силой, словно пробку из бутылки шампанского, выплонуло в... что-то мягкое, податливое. Я с трудом разлепила глаза, пытаюсь сфокусировать зрение, которое все еще плясало перед глазами. Передо мной расстилось бескрайнее поле, усыпанное цветами невероятных, неземных оттенков – лиловыми, алыми, золотыми, переливающимися всеми цветами радуги. Вдалеке виднелся густой, темный лес, манящий своей загадочностью, а над головой сияло сразу два солнца – одно большое, привычно желтое, словно сошедшее с картины, другое маленькое, с нежным голубым свечением, словно небесный бриллиант. Воздух был пропитан густым, опьяняющим ароматом трав и незнакомых цветов, а вдали слышалось мелодичное пение каких-то странных, волшебных существ, похожее на перезвон хрустальных колокольчиков.

Я попыталась встать, но ноги подкосились, словно ватные, и я рухнула обратно в мягкую, податливую траву, чувствуя ее щекочущее прикосновение к коже. Голова кружилась, как карусель, а тело ныло от усталости, словно я пробежала марафон. Где я? Что это за место, похожее на ожившую сказку? И где Элдер, этот безумный маг, втянувший меня во все это?

С трудом, опираясь на дрожащие руки, я поднялась на ноги и огляделась в поисках хоть каких-то признаков цивилизации, человеческого присутствия. Ни дорог, ни домов, ни разделенных лесополосами полей, ни линий электропередач – ничего, что могло бы напомнить о привычном мире. Только дикая, нетронутая природа, девственная красота, от которой захватывало дух и одновременно становилось жутко. И чувство... какой-то странной, необъяснимой энергии, пронизывающей все вокруг, словно сама земля дышала магией.

Вдруг, я заметила фигуру, сидящую на большом валуне неподалеку. Это был Элдер. Он сидел, скрестив ноги в позе лотоса, и спокойно, с легким намеком на снисходительную улыбку, наблюдал за мной, словно за подопытным кроликом, выпущенным в новый лабиринт.

– Добро пожаловать в Элдерию, Алина, – произнес он, его голос звучал спокойно и уверенно, как всегда.

Волна ярости и облегчения одновременно захлестнула меня. Я бросилась к нему, полная вопросов, возмущения и страха.

– Что это было? Что за адский переход? Почему ты не предупредил меня, что это будет так... так ужасно? – мой голос дрожал от пережитого ужаса, срывался на крик.

– Прости, – Элдер пожал плечами, словно извиняясь за мелкую оплошность. – Переход между мирами – процесс, к сожалению, не самый приятный. Не всем дано пройти его безболезненно. Но теперь все позади. Ты в Элдерии.

– "Все позади"? – я возмущенно всплеснула руками, не веря в его спокойствие. – Где моя ферма? Где мои стада коров, пасущиеся на сочных лугах? Где хоть что-нибудь, что ты мне обещал? Где это чертово наследство, которое должно было избавить меня от всех проблем?

Элдер, невозмутимый, словно Будда, указал рукой в сторону темнеющего вдалеке леса.

– Ферма там. До нее еще нужно добраться. А что касается коров... вам придется с ними самой разбираться. Магия не создает скот из воздуха, Алина.

Я почувствовала, как во мне закипает гнев, как вскипает чайник, готовый вот-вот сорваться с плиты.

– Ты говорил, что у меня будет все готово. Что меня ждет наследство, процветающая ферма. Что мне нужно будет только протянуть руку и взять.

– Я говорил, что вас ждет шанс, – спокойно парировал Элдер, его голубые глаза казались бездонными озерами. – А шанс нужно использовать, им нужно уметь распорядиться. Ферма нуждается в хозяйке, в заботливых руках. Она заброшена, заросла сорняками и требует ремонта. Но земля плодородна, а магия, которой пронизан этот мир, поможет вам в ваших начинаниях.

– Магия? – я презрительно фыркнула, чувствуя, как гнев душит меня. – Мне нужна еда, а не магия. Мне нужны деньги на ремонт, на скот, на семена. Где я все это возьму? Ты хоть подумал об этом? Возвращай меня домой, бегом.

Элдер замолчал, его взгляд стал каким-то странным, изучающим, словно он пытался прочитать мои мысли.

– Об этом я вам не говорил, Алина, – наконец произнес он, его голос звучал как похоронный звон. – Но существует одна небольшая... деталь. Небольшая, но весьма существенная.

– Какая деталь? – я почувствовала неладное, как холодок пробежал по спине.

Элдер вздохнул, словно собираясь сообщить о чьей-то смерти.

– Обратного пути нет.

Мир вокруг меня словно замер, все звуки стихли, и даже два солнца, казалось, перестали светить. Я не могла поверить своим ушам, отказывалась воспринимать услышанное.

– Что значит "нет"? – прошептала я, чувствуя, как подкашиваются ноги, как земля уходит из-под ног.

– Это значит, что вы больше не сможете вернуться в свой мир. Портал закрыт, Алина. Вы сделали свой выбор, подписали контракт. И теперь вы здесь навсегда. Таковы правила.

Меня словно ударили под дых, лишив воздуха. Я смотрела на Элдера, не в силах произнести ни слова, чувствуя, как в груди нарастает паника. Меня обманули. Меня жестоко и цинично обманули, воспользовавшись моим отчаянием. Он знал, что я ни за что не согласилась бы на это, если бы знала правду.

– Ты... ты лжец! – наконец выдохнула я, чувствуя, как слезы душат меня, как ком подступает к горлу. – Ты обманул меня. Ты лишил меня всего.

– Я лишь предложил вам шанс, – спокойно ответил Элдер, его лицо оставалось бесстрастным, словно маска. – А вы сами сделали свой выбор, добровольно подписав акт о вступлении в наследство.

– Шанс? – я истерически рассмеялась сквозь слезы, чувствуя, как внутри все сжимается от боли и обиды. – Шанс умереть в этой дыре? Шанс стать рабыней на заброшенной ферме, без денег, без друзей, без надежды на спасение?

– Не говорите так, Алина, – Элдер нахмурился, словно я оскорбила его чувства. – В Элдории много возможностей. Вам просто нужно их увидеть, научиться ими пользоваться.

– Я хочу домой, – закричала я, не в силах сдержать отчаяние, захлестнувшее меня с головой. – Я хочу вернуться в свой мир. Я хочу все исправить.

– Это невозможно, – твердо, как приговор, сказал Элдер. – Примите это, Алина. И начните жить дальше, здесь, в Элдории.

Он повернулся и, не говоря ни слова, пошел в сторону темнеющего леса, оставив меня одну посреди незнакомого, враждебного мира, под светом двух чужих солнц. Я смотрела ему вслед, чувствуя, как во мне поднимается волна ярости, ненависти и бессилия. Он обещал мне новую жизнь, а подарил лишь беспросветную безнадегу, ловушку, из которой нет выхода.

Я упала на колени, уткнувшись лицом в мягкую, пахнущую волшебством траву. Меня снова предали. Снова обманули. И теперь я была одна, в чужом мире, без надежды на возвращение, без средств к существованию, без будущего.

Но сквозь слезы и отчаяние, сквозь горечь предательства, во мне вдруг пробились слабая, едва заметная искра упрямства, живущего в глубине моей души. Я не сдамся. Я не позволю этому лжецу сломить меня. Я выживу. Я построю новую жизнь, даже если это будет самая трудная задача в моей жизни. Я докажу ему, что он ошибся, что я не неудачница, а сильная, независимая женщина, способная преодолеть любые трудности, даже в самом безумном и волшебном мире.

Я поднялась на ноги, вытерла слезы грязными руками и посмотрела в сторону темнеющего леса. Там, впереди, меня ждала моя ферма. Моя новая жизнь, полная неизвестности и опасностей. И я сделаю все, чтобы она стала лучше, чем прежняя, чтобы доказать всем, и в первую очередь себе, что я чего-то стою. Даже если для этого мне придется заключить сделку с самим дьяволом, или с каким-нибудь эльфийским королем, или даже с драконом, я не оставлюсь ни перед чем. Я стану хозяйкой своей судьбы.

Глава 3.

Стиснув зубы так, что в висках запульсировала боль, я двинулась в сторону леса. Каждый шаг отзывался гулкой болью в теле, словно протестуя против этого предательского бегства. Морально я чувствовала себя не просто раздавленной – превращенной в пыль, развеянную по ветру унижения и отчаяния. Но, словно крошечная искра в самом сердце пепла, во мне еще теплилась надежда. Слабая, дрожащая, почти неслышная надежда, что, возможно, еще не все потеряно. Что где-то там, во тьме, существует способ исправить эту чудовищную ошибку.

Лес встретил меня влажной прохладой и сумраком, окутывающим, словно успокаивающее покрывало. Чем дальше я уходила вглубь, тем сильнее ощущала, как отступает давящая паника, позволяя дышать глубже, видеть дальше. Постепенно мое сознание освобождалось от липкого страха, и я начинала замечать красоту, окружающую меня. Деревья здесь были не просто высокими – они возносились в небо, как монументальные колонны, их могучие стволы покрыты мхом, словно древними письменами. Листва, пронизанная лучами солнца, сверкала всеми оттенками изумруда, сапфира и даже аметиста, сплетаясь в калейдоскоп волшебных цветов. Птицы, словно маленькие музыканты, исполняли залиvistые трели, их голоса перекликались в кронах деревьев, создавая завораживающую симфонию. Под ногами расстилались невиданные цветы, их лепестки, казалось, напивались солнечным светом, источая тонкий, дурманивший аромат, словно искушающий забыть обо всем на свете.

Часы казались вечностью, проведенной в блужданиях по этому колдовскому лесу. Измученная, обезвоженная и полная боли, я наконец вышла к небольшому ручью. Вода в нем была настолько кристально чистой, что, казалось, словно передо мной простирается зеркальная гладь пустоты. Уставшая до изнеможения, с болью в каждой мышце, я присела на скользкий, покрытый мхом камень на краю ручья и склонилась, чтобы освежить лицо.

И тут я увидела ее.

Все мое тело сковал ледяной ужас. Я замерла, словно пораженная молнией, не в силах отвести взгляда. В зеркальной глади ручья отражалась не та измученная жизнью женщина, с потухшим взглядом и морщинами, прорезавшими лицо, как глубокие шрамы. Там была... молодая девушка. С гладкой, словно бархат, кожей, на которой не было и следа прожитых лет. Пухлые губы, словно бутоны роз, манили своей свежестью. Большие, выразительные глаза, в которых плескался не страх и усталость, а искра жизни и любопытство. Мои волосы, обычно тусклые, безжизненные, истонченные невзгодами, теперь струились золотым водопадом, переливаясь на солнце, словно жидкое золото. Лицо, совсем недавно измученное заботами, искаженное гримасой отчаяния, сияло свежестью и молодостью, словно только что распустившийся цветок.

Дыхание перехватило, в груди сдавило от невыносимого волнения. Я медленно, словно во сне, провела рукой по щеке, боясь спугнуть это невероятное видение, опасаясь, что это всего лишь жестокая игра света и тени, мираж, созданный моим уставшим разумом. Но нет, прикосновение было реальным. Кожа упругая и гладкая, как летний персик. Я действительно помолодела! Лет на... боже, на сколько? Двадцать? Тридцать? Казалось, время повернулось вспять, вернув меня в то время, когда жизнь казалась бесконечной чередой возможностей, а не тяжким бременем.

– Да ладно! – выдохнула я, едва слышно, не веря своим глазам, словно боясь разрушить хрупкую магию момента. Неужели этот мерзкий, лживый Элдер хоть в чем-то сказал правду? Или это просто какое-то колдовское наваждение, иллюзия, призванная свести меня с ума окончательно?

Чувствуя, как к горлу подступает тошнота от смешанных чувств изумления, страха и зарождающейся надежды, я попыталась встать. Ноги, ослабевшие от усталости и, казалось,

непривыкшие к этому новому, юному телу, подогнулись, и меня чуть было не свалило обратно в холодную воду ручья.

– Эй, полегче, детка, – пробормотала я себе под нос, чувствуя, как щеки обдаёт румянцем смущения. – Привыкай к новому шасси. Новая версия, так сказать.

Я сделала еще несколько осторожных, неуверенных шагов, стараясь удержать равновесие. И тут... я запнулась о предательский корень дерева, спрятанный под слоем опавшей листвы, и полетела кубарем вперед, словно неуклюжий птенец, выпавший из гнезда. Но, вопреки законам физики, вместо того, чтобы шлепнуться лицом в грязь, я пролетела несколько метров по воздуху, словно меня кто-то невидимый подтолкнул.

– Ой, елки! – воскликнула я, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди от испуга и внезапно вспыхнувшего азарта. Мои руки! Я подняла их перед собой и с изумлением наблюдала, как кончики пальцев слегка подсвечиваются мерцающим голубоватым светом, словно маленькие светлячки. – Похоже, магия – это не просто красивые сказки из старых книг.

Заинтригованная и полная восторга, как ребенок, получивший новую игрушку, я попыталась повторить свой спонтанный трюк. Подпрыгнув и выбросив руки вперед, я ощутила прилив новой энергии. На этот раз получилось гораздо лучше. Я подпрыгнула выше, чем когда-либо прежде, и почувствовала, как легкий, прохладный ветерок обдувает мое лицо, словно ласковое прикосновение.

– Ну, здравствуй, новый мир, – прокричала я во весь голос, чувствуя прилив адреналина и безрассудной смелости. – И здравствуй, новое тело. Посмотрим, на что ты способно.

Однако, радость моя была короткой, как вспышка молнии. Следующая отчаянная попытка взлететь оказалась катастрофической. Подпрыгнув слишком самонадеянно, я потеряла равновесие, не рассчитав своих новых возможностей. Неуправляемый полет закончился плачевно – я рухнула прямо в колючие заросли дикой смородины.

– Ааааа! – заорала я, чувствуя, как колючие ветви впиваются в кожу, словно сотни крошечных иголок. – Черт бы побрал эту магию. Зачем мне это все?!

Истерично дергаясь и отталкиваясь от себя колючие ветви, я наконец вырвалась из плена смородины. Выбравшись из кустов, я осознала масштаб произошедшего: блузка, и без того изрядно потрепанная, висела на мне лохмотьями, штаны покрыты запекшейся грязью и пятнами сока, а волосы торчали во все стороны, словно я только что пережила взрыв на макаронной фабрике, как кто-то метко подметил бы.

– Ну, да, – вздохнула я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы досады. Глядя на свое жалкое отражение в небольшой луже, оставшейся после недавнего дождя, я не могла сдерживать горькой усмешки. – Прямо-таки фея лесная. Только немножко... побитая, расцарапанная и, в общем, совершенно потрепанная жизнью.

С подавленным вздохом, полным горечи и разочарования, я поплелась дальше, продираясь сквозь лес. Эйфория от внезапной молодости понемногу улетучивалась, сменяясь осознанием реальности – я по-прежнему нищая наследница-попаданка, совершенно не представляющая, что делать дальше. Смутное воспоминание о ферме, о которой говорил Элдер, замаячило слабым лучом надежды в этом туннеле отчаяния. Возможно, там я найду приют, хотя бы временный.

Вскоре лес расступился, и перед моими глазами предстала унылая картина. Ферма... это громко сказано. Обветшалое здание, когда-то бывшее домом, зияло выбитыми окнами, словно пустыми глазницами. Полуразвалившийся сарай покосился набок, угрожая обрушиться в любой момент. Заросший сорняками двор производил гнетущее впечатление запустения и заброшенности. Надежда, которая так робко затеплилась во мне, вновь увяла, словно цветок, забытый без воды.

С тяжелым сердцем я переступила порог двора. Под ногами хрустела сухая трава, отдавая эхом тишины. Внезапно, эту тишину нарушило громкое мычание. Я вздрогнула и обер-

нулась. Возле покосившегося сарая стояла корова. Обычная, вроде бы, корова. Большая, пятнистая, с печальными, добрыми глазами.

"Ну вот, еще и корову придется доить," – пронеслось в голове, и я невольно поморщилась. У меня на ферме все было механизировано, так как этот процесс мне не доставлял никакого удовольствия.

Но тут корова заговорила.

– Здравствуй, прибывшая, – ее голос звучит пафосно и возвышенно, словно передо мной была не корова, а жрица древнего храма. – Вижу, Элдер все-таки отправил сюда кого-то, кроме воронья, – произнесла она низким, хриплым голосом.

Я замерла как вкопанная, не веря своим ушам. Это что, сон? Или я окончательно сошла с ума?

– П-простите, – пробормотала я, чувствуя, как снова начинает подступать паника. – Я... мне, наверное, послышалось.

Корова фыркнула и покачала головой.

– Да, послышалось, конечно. Особенно если ты привыкла к тишине мертвых душ. Ты лучше слушай меня внимательно, детка. Потому что ты влипла. И влипла по самое не хочу. Приехать сюда – это, конечно, храбро, но я чувую, что ты нагребешь здесь полное ведро неприятностей. И даже не одним ведром дело кончится... Помяни мое слово.

Я ошарашенно смотрела на говорящую корову. В ее печальных глазах я увидела нечто большее, чем просто животную мудрость. Там была тревога, предостережение и... сочувствие.

– К-кто вы... что вы такое, в смысле, кто ты? – запинаясь спросила я. – И откуда ты знаешь, что я...

– Зови меня Буренкой, – перебила меня корова. – А знаю я, что ты – заблудшая душа, угодившая в паутину, из которой не так-то просто выбраться. И поверь, лучше бы тебе здесь не появляться вовсе. Но раз уж ты пришла, я помогу, чем смогу. Только помни: слушай меня и не доверяй никому, кроме себя. Иначе, пиши пропало.

Я стояла как громом пораженная, и ее слова будто застряли у меня в горле. Говорящая корова! В фильмах, конечно, такое видела, но чтобы в реальности... Это уже перебор. Может быть, это все побочный эффект омоложения? И мой разум, не выдержав нагрузки, начал генерировать галлюцинации?

Я судорожно ущипнула себя за руку. Больно. Значит, не сплю. Я моргнула, отчаянно пытаясь прогнать это абсурдное видение, но Буренка все так же стояла передо мной, и даже казалась слегка раздраженной моим ступором.

"Не может быть! – билась в голове отчаянная мысль. – Коровы не разговаривают. Это против всех законов природы, науки, здравого смысла... Чего угодно."

Чтобы убедиться, что я не сошла с ума окончательно, я решила провести небольшой эксперимент.

– Эм... п-простите, Буренка... – пролепетала я дрожащим голосом. – Вы... вы действительно разговариваете? И... как это возможно?

Буренка закатила свои огромные, влажные глаза, что само по себе было довольно странным зрелищем.

– Ох, опять эти вопросы... – проворчала она. – Да, я разговариваю. А как это возможно... дорогая, ты попала в место, где возможно все, что угодно. Перестань удивляться говорящим коровам и лучше подумай о том, что ты будешь делать дальше. У тебя проблем выше крыши, поверь мне.

Я все еще не могла скрыть потрясения. Мне хотелось рассмеяться, заплакать, убежать – все сразу. Ноги словно приросли к земле. Я просто стояла, раскрыв рот, и таранилась на корову, словно на инопланетянку.

– П-подождите... – наконец выдавила я из себя. – Я... Я ничего не понимаю. Это... это какая-то шутка? Вы... вы, наверное, переодетый человек? Или... или что-то в этом роде?

Буренка тяжело вздохнула, и, казалось, вся ферма содрогнулась от этого вздоха.

– Ах, если бы, – сказала она. – Если бы я была переодетым человеком, я бы сейчас пила горячий чай и читала газету, а не торчала здесь, в этой дыре, и не пыталась спасти очередную глупышку, которую притащил сюда Элдер.

Она помолчала, внимательно изучая меня своим пронизательным взглядом.

– Вижу, ты у нас еще не совсем потеряна для общества. Но времени на удивление у нас нет. Ты должна понять одно: здесь все не то, чем кажется. И если хочешь выжить, забудь все, что ты знала о мире до этого момента. Здесь свои правила. И свои опасности.

Ее слова заставили меня вздрогнуть. В голосе Буренки звучала искренняя тревога, и я почувствовала, как невидимые мурашки пробегают по моей спине от предчувствия чего-то нехорошего.

Покачнувшись от ошеломляющего открытия говорящей коровы, я сглотнула ком в горле и попыталась собраться с мыслями. Мир явно сошел с ума, и мне придется играть по его правилам, какими бы безумными они ни были.

– Хорошо, – сказала я, стараясь придать своему голосу уверенность, которой я на самом деле не чувствовала. – Допустим, я тебе верю. Что мне делать дальше, Буренка? Ты сказала, у меня проблемы... Какие?

Мне показалось, что корова пожала плечами. Как такое вообще может быть? Как корова могла пожать плечами? Я еще раз посмотрела на Буренку. Наверное показалось.

Корова же убедившись, что я не рухнула в обморок от абсурдности ситуации, довольно улыбнулась. Я в ответ кивнула Буренке, заглушая в себе панику от того, что только что общалась с говорящей коровой. Мир, который я знала, определенно больше не существовал, и мне нужно было как можно быстрее приспособиться, чтобы выжить.

– Покажи мне ферму, – попросила я Буренку, стараясь придать своему голосу хоть немного уверенности. Внутри все дрожало от смеси страха, изумления и растущей тревоги.

Буренка фыркнула – звук, полный какого-то усталого сарказма – и неспешно направилась к покосившемуся сараю. Я, с опаской поглядывая на ветхие стены, последовала за ней.

– Здесь все в запустении, как я погляжу, – заметила я, перешагивая через гнилые доски, под которыми противно хлюпала грязь.

– А ты что, ожидала увидеть райские кущи? – саркастически отозвалась Буренка. Ее слова кольнули, но я не стала спорить. Чего я вообще ожидала? Спасения? Чуда? Безнадежность снова начала подкрадываться, как змея. – После того, как я начала... говорить, ферма покатила по наклонной.

Внутри сарая царил полумрак, пронизанный тяжелым, тошнотворным запахом навоза. Я поморщилась, стараясь не дышать слишком глубоко. В дальнем углу я увидела еще несколько коров. Обычных коров, слава богу. Они вяло жевали сено, их глаза тускло поблескивали в полумраке. Они казались отрешенными от всего происходящего, погруженными в свой коровий мир. На мгновение меня охватило облегчение. Возможно, я все же не схожу с ума.

– И это все? – спросила я, облегченно выдохнув. – Больше говорящих нет?

– Увы, – ответила Буренка. Ее голос звучал с какой-то печальной иронией. – Я одна такая «одаренная». Эти бедняжки просто стараются выжить.

Вдруг, словно из ниоткуда, из-за загона для коров вышел согбенный старик с густой седой бородой и узловатыми, мозолистыми руками. Он был одет в поношенную рубаху и старые, залатанные штаны, густо запаханные навозом. От него исходил терпкий запах старости и земли.

– О, Буренка, опять ты тут болтаешь с кем-то, – проворчал старик, в его голосе сквозило раздражение. – Нашла себе новую жертву для своих бредовых предсказаний?

– Заткнись, старый ворчун, – огрызнулась Буренка, и я почувствовала, как между ними пробегают искра враждебности. – Она тут, чтобы помочь.

– Помочь? Эта городская фифа? – Старик презрительно оглядел меня с головы до ног, в его взгляде читалось откровенное недоверие. – Она корову-то от лошади отличит?

Злость волной поднялась изнутри. Как он смеет так говорить со мной? Но я подавила вспышку гнева. Сейчас не время для гордости. Мне нужна их помощь, а им – моя.

– Помолчите, пожалуйста, оба, – вмешалась я, понимая, что сейчас не лучшее время для выяснения отношений. – Я, конечно, не произвожу должного впечатления, – и я окинула себя взглядом, понимая насколько жалок мой внешний вид, – но у меня есть небольшой опыт в фермерстве. К слову, я сегодня вступила в право наследования на эту ферму, к сожалению, – последнее слово я произнесла тихо, но кажется и Буренка и старик меня услышали. – Так что с сегодняшнего дня, я новая владелица этого места, – и я развела руками, пытаюсь не кривить саркастически рот. – И потому предлагаю, вместо того, чтобы ругаться, может, лучше объединим усилия?

Я подошла поближе к коровам, игнорируя предостерегающие взгляды Степана, и внимательно их осмотрела. И зрелище было печальным. Шерсть тусклая и свалявшаяся, ребра болезненно выпирают, а у некоторых заметны признаки кожных заболеваний – какие-то странные болячки и покраснения. Видно, что животные страдают. Сердце сжалось от жалости.

– Этих коров давно не осматривал ветеринар, – констатировала я, и в голосе прозвучало неподдельное беспокойство. – И, судя по всему, вы, дедушка, не слишком хорошо их доите.

– А что ты понимаешь в дойке? – возмутился старик, поджав губы. – Я всю жизнь с коровами.

– Вижу, – ответила я, стараясь сохранять спокойствие и не поддаваться на провокацию. – Но есть правила гигиены и техники дойки, которые, судя по всему, вы игнорируете. Так можно и инфекцию занести, и молоко испортить.

Буренка хмыкнула, довольная тем, что я вступилась за нее, и ее взгляд стал немного теплее.

– Ну, вот видишь, Степан, – сказала она. – Я же говорила, что она не так уж и глупа.

– Ладно, – буркнул старик, почесывая затылок и отворачиваясь. – Посмотрим, что ты умеешь. Пошли доить, раз такая умная.

Мы принялись за работу. Степан неохотно показывал мне как проводит дойку коров, ворча себе под нос. Я старалась ничего не упускать, но его техника уступала моей. Я хоть и не любила ручную дойку и на моей ферме давным давно были доильные аппараты, руками доить я умела. Как там говорится, глаза боятся, а руки делают? Что-то в этой простой, рутинной работе успокаивало меня, отвлекало от безумия последних дней.

После нескольких часов работы, когда солнце уже начало клониться к горизонту, мы наконец закончили с дойкой. Я чувствовала себя абсолютно вымотанной, словно выжали все соки, но в то же время – в какой-то странной мере довольной. Впервые за долгое время я чувствовала, что делаю что-то полезное.

– Что ж, неплохо для первого раза, – неохотно признал старик, глядя на полные ведра молока. – Только не зазнавайся.

Я усмехнулась, чувствуя, как на губах появляется легкая улыбка.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, окрашивая небо в багряные и оранжевые тона. У меня не было ни малейшего представления, где я буду спать. Дом фермера выглядел слишком заброшенным и зловещим, чтобы там можно было нормально отдохнуть. От одной мысли о том, чтобы провести там ночь, по спине пробежали мурашки.

– Где я могу переночевать? – спросила я Степана, чувствуя, как усталость берет верх над разумом и телом.

Старик пожал плечами.

– В доме фермера вряд ли кто-то захочет остаться, – буркнул он. – Он давно заброшен, там одни сквозняки и мыши. Можешь поспать у меня в халупе. Не хоромы, конечно, но крыша над головой есть.

Я благодарно кивнула, чувствуя, как напряжение немного отпускает.

– Спасибо, – сказала я искренне. – И... как вас зовут?

– Степан, – ответил старик. – Зови меня просто Степан.

Вскоре я лежала на узкой койке в маленькой, но на удивление чистой комнатухе Степана. В голове все еще крутились обрывки событий: говорящая корова, заброшенная ферма, угрюмый старик. Усталость взяла свое, и я провалилась в глубокий, беспробудный сон, несмотря на все странные события, которые обрушились на меня за этот день. Во сне меня преследовали глаза Буренки – мудрые, печальные и полные какой-то невысказанной тревоги.

Глава 4.

Первые лучи солнца, настойчивые, но слабые, словно робкие гости, пробились сквозь бреши в покосившихся ставнях, окрашивая комнату в мутный, сероватый оттенок. Это был свет не надежды, а скорее суровой констатации факта – наступило утро, а вместе с ним и необходимость столкнуться с реальностью. Я резко села в кровати, словно кто-то дернул за веревочку, на миг потерявшись в густом тумане проснувшегося сознания. В голове еще бродили обрывки сна, странные, тревожные видения с говорящими коровами, которые пророчили то ли благоденствие, то ли неминуемую гибель. Предсказания растворились, оставив после себя лишь неприятный привкус тяжести, осознание, что все это – не просто кошмар, который развеется с первыми лучами солнца. Ферма. Говорящая корова... Боже, да что за бред? Старик Степан, ворчливый, угрюмый, будто вылепленный из самой земли. Все это – не дурацкий сон, не плод разыгравшегося воображения, а самая что ни на есть жестокая и нелепая правда. Моя новая жизнь.

В груди заворчалось что-то неприятное, клубок тоски и разочарования. Тяжело вздохнув, я спустила ноги на пол. Холод, пронизывающий, ледяной, словно приветствие от забытых предков, заставил вздрогнуть. Ноги коснулись холодного, скрипучего пола, доски которого стояли под каждым движением, словно жаловались на свою нелегкую судьбу. Поднявшись, я пробежалась взглядом по убогой обстановке. Обшарпанные стены, покрытые какими-то пятнами, словно карта древнего мира. Комод, выдавший виды, с облупившейся краской и потемневшими от времени ручками, казался ровесником мамонта. Зеркало... О, это отдельная песнь. Мутное, словно затянутое пеленой забытья, оно отражало лишь бледную тень меня самой, и ту – в искаженном, неприятном виде. Смотреть в него лишний раз не хотелось. Я почувствовала, как поднимается волна отчаяния, удушающая, липкая, словно болото. Но нельзя. Нельзя поддаваться. Это будет поражением, признанием своей слабости. Соберись, тряпка. Нужно что-то делать. Медлить нельзя. Каждая минута промедления – это упущенная возможность, еще один гвоздь в крышку моего новоиспеченного гроба под названием "фермерская жизнь".

На трехногом табурете лежала рубаха. Видимо это Степан впечатлился моим вчерашним внешним видом. Я надела рубаху, которая кололась и от нее хотелось почесаться, и поежилась от холода. Натянув свои брюки и увидев кувшин и таз, умылась, чтобы хоть немного приободриться. Лучше не стало и я вышла на улицу.

Утренний воздух обрушился на меня, резкий и бодрящий, словно ледяной душ. Свежий, прохладный, он нес в себе терпкий запах земли, свежескошенной травы и... навоза. Да, куда ж без него. Буренка, та самая, говорящая, ждала меня возле сарая. Стояла, флегматично пережевывая жвачку и поглядывая на меня своими огромными карими глазами. Рядом возился Степан, как всегда, что-то ворча себе под нос, словно заклинание отгоняющее добрых духов. Он был похож на лешего, вышедшего из леса – корявый, сухой, с косматой бородой и взглядом исподлобья.

– О, явилась, – процедил он сквозь зубы, бросив на меня косой взгляд, полный презрения и нескрываемого злорадства. – А я уж думал, что городские барышни так рано не встают.

Я проигнорировала колкость. Сейчас не время для перепалок, не до выяснения отношений. Нужно работать. Только работа может отвлечь от навязчивых мыслей, только полезное дело может дать хоть какую-то надежду на будущее.

– Покажите, что нужно делать, – сказала я, стараясь говорить спокойно и уверенно. Эта ферма, с полностью ручным трудом разительно отличалась от той механизированной, что была у меня в свое время. Ладно, видимо стоит позабыть о той своей ферме, и смириться, что здесь такого никогда не будет.

Степан, с явной неохотой, кивнул на ведро и присел на маленький одноногий стул для дойки. Движения у него были отработанными, механическими, но неаккуратными. Чувствовалось, что он делает это уже много лет, но без всякой любви и старания. Молоко, казалось, лилось куда попало – на пол, на стены, даже ему в лицо. Буренка стоически терпела это кощунство.

– Так нельзя, – заметила я, вытирая платком забрызганную щеку. – Нужно быть аккуратнее. И чище. Это же для еды.

Он лишь фыркнул в ответ, отвернувшись и сплюнув под ноги. – Больно надо... Ты еще корову доить не умеешь, а туда же, учить вздумала.

Но я настаивала. Объясняла, показывала, как нужно правильно держать вымя, как направлять струю молока, чтобы не проливалось мимо. И, к моему удивлению, старик, хоть и с ворчанием, брюзжа и бурча, начал прислушиваться к моим советам. Видимо, даже у самого закоренелого ворчуна срабатывает инстинкт самосохранения, и он понимает, что с хорошим помощником работать все-таки легче. К концу дойки у него уже довольно неплохо получалось. Мои же руки, правда, устали неимоверно, ныли, словно их выкручивали. Но зато в ведре плескалось душистое, парное молоко. Целое ведро.

– Столько накопилось... – пробормотала я, оглядывая заполненные до краев поддонышки. – А куда это все? Что вы с ним делаете?

– Да что с ним делать, – пожал плечами Степан, махнув рукой в сторону кустов. – Выливаем. Кому оно тут нужно? В деревне своей коровы у каждого, а в город возить – не на чем, да и себе дороже. К тому же, оно быстро киснет.

Мое сердце сжалось от этой бессмысленной расточительности. Нельзя так. Нельзя позволить этому добру пропадать. Это же настоящее кощунство.

– Это безумие, – воскликнула я, не в силах сдержать возмущения. – Из молока можно делать масло, сыр, творог... Много чего. Нужно что-то придумать. Нельзя просто так выливать.

В этот момент во мне вспыхнул тот самый огонь, который заставил меня в свое время заняться фермерством. Азарт, огонь решимости, желание изменить, улучшить, привести все в божеский вид. Желание доказать себе и всем остальным, что я чего-то стою.

– Сначала нужно осмотреть все владения, – заявила я, сбрасывая с себя остатки сна и усталости. – Оценить масштаб бедствия. Потом решим, что делать с молоком. И вообще, нужно составить план действий. Без плана тут делать нечего.

Оставив Степана возиться с коровами, я отправилась осматривать ферму. Поначалу я даже не подозревала, насколько все плохо. Но чем дальше я шла, тем больше понимала, что передо мной не просто разруха, а самая настоящая, полномасштабная катастрофа. Поля, когда-то плодородные, сейчас заросли бурьяном и сорняками, выше человеческого роста. Сад одичал, деревья стояли, скрюченные, словно старые калеки, заросшие мхом и лишайником. Заброшенные постройки зияли пустыми глазницами окон, словно беззубый рот. Крыши прогнили, грозя в любой момент обрушиться. Заборы покосились, словно пьяные, и держались, кажется, только на честном слове. Инструменты валялись в грязи, сломанные и ржавые, покрытые слоем пыли и грязи. Все дышало запустением, унынием и безнадежностью. Казалось, что здесь давным-давно умерло все живое.

Осмотрев фермерский дом, я не почувствовала ничего, кроме глубокого разочарования. Старенький, обветшалый, он требовал не просто ремонта, а полной перестройки. Обшарпанные стены, покосившиеся полы, плесень по углам, источающая затхлый запах сырости. В полумраке царил гнетущая атмосфера заброшенности. Мебель старая, сломанная, покрытая толстым слоем пыли. Казалось, что здесь никто не жил уже много лет.

Внутри дома царил хаос, а запустение бросалось в глаза. Старая печь, когда-то согревавшая дом, сейчас требовала немедленной починки. Отсыревшие стены покрылись густой плесенью, а запах старости и тлена пропитал каждый уголок этого проклятого места.

Несмотря на усталость, и даже отчаяние, я зашла в дом, вооружилась тряпками и старым ведром, чтобы привести его в порядок, отмыла, выскребла и вычистила все, что только было возможно. Конечно, до идеала было еще очень далеко, но хоть какой-то порядок внести удалось.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багряные и золотистые тона, когда я закончила обход. В голове шумело от усталости, ноги гудели, а спина ныла. Но в душе появилось какое-то странное, противоречивое чувство – смесь ужаса от масштабов разрухи и воодушевления от предстоящей работы. Как будто передо мной стояла не непосильная задача, а увлекательный квест.

На обратном пути, к покосившимся воротам фермы, за которыми начиналась узкая проселочная дорога, мне повстречались первые местные жители. Невысокий, коренастый мужчина с сильными руками и закопченным лицом – явно кузнец. Мускулы перекатывались на руках, словно камни, а взгляд был тяжелым и оценивающим. И худенькая женщина с копной рыжих волос, заплетенных в толстую косу, и лукошком, полным трав – скорее всего, местная травница. Она казалась старше кузнеца, хотя, возможно, это только из-за морщинок, которые густой сетью покрывали ее лицо. Глаза у нее были пронизательные, зеленые, словно два изумруда, и смотрели прямо в душу. Они остановились, рассматривая меня с откровенным подозрением, словно оценивая, насколько я опасна для их маленького мирка.

– Новенькая, что ли? – хмуро спросил кузнец, смерив меня оценивающим взглядом с головы до ног. В его голосе звучало не дружелюбие, а скорее вызов. Явно я не первая, кто появлялись на этой ферме и не справившись сбегали. Вот тебе и наследство. Не удивлюсь, что попала в какую-то аферу, которую провернул местный маг-нотариус, преследующий свои интересы.

– А чего ей тут делать? – скривилась травница, презрительно поджав губы. – Разве что, еще больше бед накликают. И так места тут проклятые.

Я слотнула ком в горле, стараясь не показывать своего волнения. Нужно было произвести хорошее впечатление. От этих людей зависело многое. Без их помощи мне здесь не выжить.

– Я –Алина, – представилась я, стараясь говорить дружелюбно и открыто. – Новая хозяйка фермы. Хочу наладить здесь жизнь.

– Хозяйка? – усмехнулся кузнец, скептически приподняв бровь. – Да тут и налаживать-то нечего. Все давно сгнило. Заброшенное место.

– Не говори так, Кузьма, – одернула его травница, бросив на него недовольный взгляд. – Может, у девки и получится чего. Место тут заколдованное. Не каждому дается. Кто знает, может, она и сможет снять проклятье.

Я почувствовала, как на меня, словно рентгеном, ощупывают зеленые глаза травницы. В ее взгляде читалось одновременно и любопытство, и предостережение. Она словно видела меня насквозь, знала все мои мысли и намерения.

– Что ж, – сказала я, стараясь держаться как можно увереннее, хотя внутри все дрожало от страха и неуверенности. – Посмотрим. Я не боюсь трудностей. И мне понадобится ваша помощь. Без вас мне здесь не справиться.

Они переглянулись. В их глазах я прочитала лишь скепсис и сомнение. Но, кажется, где-то в глубине, под толстым слоем недоверия, все же мелькнула какая-то искра надежды.

– И чего тебе от нас надобно? – усмехнулся кузнец, которого кажется зовут Кузьма.

– Здесь есть много мужской работы, – я кивнула в сторону фермы. – Где-то что-то поправить, где-то что-то отремонтировать, а где-то и снести вовсе. Да и коров надо ветеринару показать, где у вас здесь в округе ветеринар?

– Ветра... кто? – удивилась травница.

– Лекарь для коров, – нахмурилась понимая, что современное слово “ветеринар”, скорее всего этим людям незнакомо.

– Дак я могу глянуть, – кивнула женщина. – А отдельных коровьих лекарей у нас отродясь не водилось. Коли чего с животинкой приключится, я травку заварю, примочку сделаю, заговор шепну. И все как рукой снимет!

Тут из-за моей спины донеслось громкое, отчетливо недовольное мычание, эхом разнесшееся по территории фермы. "О, нет, только не сейчас," – пронеслось у меня в голове. Кажется, моя "особенная" порода в лице коровы Буренки не собиралась молчаливо наблюдать за происходящим.

– Да уж, поможешь ты, – проворчала Буренка, высунув свою оранжево-белую морду из-за кустов. Ее взгляд был полон укора и презрения. – Как глянешь, так три дня потом лежу, мучаюсь. Твои примочки мне, как мертвому припарка. От них скорее на тот свет отправишься, чем от болячек. Ты бы лучше свои травы на мух перевела, от них хоть толк был бы, а мне только живот крутит.

Я вздрогнула. Кажется, Буренка сегодня особенно красноречива. Травница, услышав голос моей коровы, сначала немного оторопела. Ее лицо, испещренное сетью морщинок, на мгновение застыло в немом удивлении. Поджала тонкие губы в ниточку, но сразу же выпрямилась, вскинула подбородок, стараясь сохранить подобие достоинства. Но я-то видела, как предательски порозовели ее щеки, как дрогнули руки, сжимающие лукошко. Кажется, даже выдавшая всякое травница не ожидала такого поворота событий и хамства от коровы.

Я же, на грани нервного срыва, мысленно проклинала все, что привело меня в эту забытую богом ферму. "Ну вот, началось", – обреченно подумала я, закатив глаза. – "Теперь нужно как-то выкручиваться из этой неловкой ситуации, чтобы не отпугнуть единственных людей, которые как-то согласились мне помочь и корове рот закрыть."

– Это... – начала я, запинаясь, чувствуя, как горят щеки от смущения. – У меня просто корова такая... эээ... разговорчивая. Порода особенная. Очень редкая... голландская. С повышенным уровнем интеллекта.

Я говорила это, и мне хотелось провалиться сквозь землю. В голове билась одна мысль: "Ну, Алина, ты и попала. Завтра тебя будут показывать за деньги на местной ярмарке, как диковинную зверушку".

Кузьма, кажется, перестал дышать. Он стоял неподвижно, уставившись на Буренку с открытым ртом, словно увидел самого лешего, вылезшего из ближайшего болота. Его широкое, обветренное лицо побелело, словно присыпанное мукой, а глаза округлились от ужаса. Неужели они до этого не имели "счастья" общаться с Буренкой?

– Говорящая корова? – прошептал он, перекрестившись дрожащей рукой. – Да не может быть. А я еще не верил нашим мужика, которые говорили что на ферме творится нечистое. Это... это ж колдовство, – его голос сорвался на визг, и он сделал шаг назад, словно боясь, что Буренка сейчас заговорит с ним лично.

Я то думала местные все в курсе Буренки, но оказывается для кого-то ее болтливость все же в новинку. Неужели Степан заставлял ее помалкивать, чтоб окончательно народ не распугать.

– Колдовство, колдовство, – огрызнулась Буренка, закатив свои огромные карие глаза. – Сами вы колдовство. Нормальная я корова, просто немного умнее остальных. И вообще, у меня резь в боку. Лечить надо, а не обзывать. А если колдовство, то почему до сих пор здесь торчу, а не обитаю в королевском замке и не ем клубнику на завтрак?

Я поняла, что ситуация окончательно вышла из-под контроля и стремительно катится в пропасть. Нужно срочно что-то предпринять, пока Кузьма не начал пытаться изгнать темную магию из меня и Буренки одновременно, вызывая к властям или кто у них тут за порядок отвечает, требуя чтобы нас сожгли на костре, чтобы избавить окрестности от нечисти.

– Ладно, Кузьма, – сказала я, стараясь говорить как можно более спокойно и убедительно-фальшиво. Внутри все кипело от тревоги и желания поскорее сбежать отсюда куда глаза

глядят. – Не обращай внимания. Просто у нас тут своя специфика... фермерская. А вы, – я повернулась к травнице, пытаюсь сохранить остатки самообладания, – действительно можете посмотреть коров? А то я в этом совсем не разбираюсь, – прикидываюсь дурочкой с перелучка, совершенно беззаботной. – И хотелось бы узнать, какие травы тут у вас растут, какие полезные, какие – не очень.

Травница, похоже, немного пришла в себя после встречи с говорящей коровой. Она кивнула, немного помедлив, словно взвешивая все "за" и "против". Ее зеленые глаза, пронизательные и уверенные, сейчас немного растерянно бегали по сторонам.

– Могу посмотреть, – неуверенно сказала она, – травы тоже покажу. Да только... – она запнулась, покосившись на Буренку с явным опасением, – боюсь, с твоей коровой мне лучше не связываться. Уж больно она... языкастая.

– Да ладно, – усмехнулась я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе. – Не бойтесь. Буренка вредная, но отходчивая. Совершенно беззлобное создание, – пытаюсь убедить я женщину в том, в чем и сама-то не уверена.

Буренка, услышав эти слова, довольно замычала, а у меня в голове созрел безумный план. Если эти люди так боятся магии и необычного, то нужно использовать это в своих интересах. А говорящая корова, кажется, станет моим главным, пусть и немного безумным, козырем в этой непростой игре под названием "фермерская жизнь".

– Ну что, поможете? – спросила я, с надеждой глядя на Кузьму и травницу, стараясь придать своему голосу как можно больше уверенности и оптимизма. В душе же царил хаос и паника.

Кузьма все еще косился на Буренку, но в его глазах уже появилось что-то похожее на любопытство, смешанное со страхом и недоверием. Травница же задумчиво почесала подбородок, словно решая сложную математическую задачу.

– Посмотрим, – сказала она, вздохнув. – Посмотрим. Место тут и вправду заколдованное. Говорили мне, дуре старой, не соваться сюда. Может, и правда, девка справится. А если и нет, то хоть посмотрим, во что она вляпается. Давно тут такого развлечения не было.

Кузьма хмыкнул в знак согласия.

– Ладно, – сказал он, – помогу. Только ты это... с коровой своей поосторожнее. А то, чего доброго, она меня с ума сведет или проклятье какое найдет, а мне ещё железо ковать надо.

Я улыбнулась, чувствуя, как нарастает надежда. Кажется, лед тронулся, господа присяжные заседатели, или как там говорил Остап Бендер. Главное теперь никого не спугнуть.

Глава 5.

Солнце, пробиваясь сквозь щели в покосившихся досках, рисовало в коровнике причудливые золотые узоры, играя с клубами пара от теплого коровьего дыхания. Еще недавно здесь царила сырость, мрак и безнадёга, а теперь... почти дворец. По крайней мере, по коровьим меркам. Запах плесени, въевшийся, казалось, в сами доски, уступил место свежему, едва уловимо сладкому аромату сосновой смолы и душистых трав. Дыры в крыше, сквозь которые во время дождя лило как из ведра, оставив после себя грязные лужи, теперь надёжно залатаны – спасибо Кузьме и его золотым рукам.

Внутри стало тепло и уютно, настоящий коровий рай, особенно если вспомнить, в какой жуткой антисанитарии они обитали раньше. Смотрела на Буренку и остальных моих пеструх, лениво пережевывающих сено в новых, просторных стойлах, и по телу разливалось дивное, незнакомое доселе чувство... гордость? Да, гордость, пожалуй, самое подходящее слово. И еще удовлетворение. За то, что смогла, не сломалась.

Труд, конечно, был адский, не спорю. С утра до ночи, в любую погоду – то с травой, то с сеном, то с навозом. Руки гудели, спина не разгибалась, а о комфорте я уже забыла, словно и не знала такого диковинного слова. Но оно того стоило. С помощью Агафьи, той самой зеленоглазой травницы и по совместительству жены кузнеца Кузьмы, я научилась различать полезные для скотины травы от ядовитых, как свои пять пальцев. И довольно быстро вылечила Буренку ее резь в боку. Ох, и вредная же она была во время лечения. Вырывалась, брыкалась, едва не затоптала меня своими копытами. Но, как ни странно, после выздоровления стала заметно спокойнее, даже немного ласковее. Правда, только когда ей что-то нужно.

С Кузьмой и Степаном мы целыми днями возились с коровником. Кузьма оказался мастером на все руки – не только кузнец от бога, но и плотник знатный. Он с ворчаньем, прибаутками и крепким словцом, то и дело срывавшимся с его обветренных губ, подлатал крышу, укрепил стены, даже двери новые сколотил, чтобы никакая лиса не пробралась к моим коровушкам. Степан, сперва ворчал, но когда понял, что я сдаваться не собираюсь, и намерена привести в порядок это место, даже начал поглядывать с уважением.

Сейчас коровы блаженно жевали сено, лениво помахивая хвостами, отгоняя назойливых мух, а щедрое солнце заливало коровник мягким, золотистым светом. Атмосфера была настолько идиллической и умиротворяющей, что почти не верилось, что это все происходит на самом деле, что это не сон. "Всё налаживается," – подумала я с облегчением, прикрыв глаза от удовольствия. Но тут же в голове, словно назойливые мухи, заворочались другие, менее приятные мысли, отравляющие эту благодатную картину.

Как я со всем этим расплачусь? Агафья и Кузьма, как оказалось, мои ближайшие соседи, если, конечно, можно считать соседством жизнь в километре друг от друга по разбитой проселочной дороге. Жили они на пригорке, у самой кромки дремучего леса, в маленьком, покосившемся домике, заросшем диким виноградом, словно сошедшем со страниц старой сказки. И Агафья, и Кузьма помогали мне от чистого сердца, не требуя ничего взамен.

– Потом как-нибудь рассчитаемся, – отмахивались они каждый раз, когда я заводила этот неприятный разговор о деньгах. Но я не могла так просто это оставить. Они вложили в меня и в мою ферму свои силы, время, знания, опыт, и я чувствовала себя обязанной отплатить им сполна, иначе просто не смогла бы спокойно смотреть им в глаза.

– Может, продать что-нибудь ненужное? – и я окинула взглядом ферму. Но как в мультфильме, про кота Матроскина и мальчика, которого все уважительно называли дядя Федор, сразу же в голове возник ответ на свой вопрос: "Чтобы продать что-нибудь ненужное, нужно сперва купить что-нибудь ненужное, а у нас денег на это нет."

– А чаво это ты такая невеселая? – вдруг раздался знакомый, хриплый голос Буренки, заставив меня вздрогнуть и вынырнуть из пучины мрачных дум. – Опять думаешь о грустном?

– А о чем мне еще думать? – огрызнулась я, не в силах скрыть раздражение, прорвавшееся сквозь маску показного оптимизма. – Вам тут всем хорошо, проблем не знаете, забот никаких. А мне нужно думать о том, как прокормить вас всех, как рассчитаться с людьми, которые мне помогли... И, желательно, не продать почку на черном рынке, – последние слова я произнесла еле слышно. Сомневаюсь, что шутку про почку корова бы оценила.

– Эх, Алина, Алина, – вздохнула Буренка с укоризной. – Да чаво ты горюешь? Судьба – она ведь дама с характером, непредсказуемая, как корова на льду. Сегодня пусто, а завтра... глядь, и золотой дождь прольется прямо на твою бедную головушку.

– Ага, конечно, – скептически хмынула я, закатив глаза. – А может, завтра ночью коровник сгорит дотла и я останусь без ничего. Без денег и без коров.

– Ну, кака така пессимизма? – возмутилась Буренка. Она усиленно учила новые слова, которые я порой употребляла и которые ей очень нравились. – Ты ж, небось, и не слышала никогда ничего про силу мысли. Думай о хорошем, верь в лучшее, и хорошее обязательно придет. Чудо, оно ведь рядом ходит, только надо суметь его разглядеть.

– Легко тебе говорить, – пробормотала я с горечью. – Ты же корова, а не инвестор. Тебе что дождь, что град – все едино, лишь бы травка зеленая была, а брюхо набито.

Я отвернулась от Буренки и, с тоской посмотрев на закатное небо, вышла из коровника, стараясь глотнуть свежего деревенского воздуха. Голова была забита навязчивыми мыслями о долгах, о деньгах, о шатком будущем моей фермы. Сердце, сдавило тревога, словно кто-то сжал его в железных тисках. Как же я выкручусь из этой ситуации? Где найти деньги?

Нет, нужно искать другой, альтернативный выход. Какой-то хитрый план, гениальную идею. Но что? Мозг отказывался работать в режиме постоянного стресса и неопределенности. Я поплелась к дому и, тяжело вздохнув, плюхнулась на лавку у порога, ощущая, как ласковое солнце греет щеки. Закрыла глаза, пытаюсь хоть на мгновение отвлечься от навязчивых, как стая голодных комаров, мыслей. Но даже с закрытыми глазами я видела только одно – бесконечные цифры, счета, долги...

– А пойдем ночью в лес, – Буренка поплелась за мной следом. Оказывается я не заметила корову у себя за спиной, вот это я конечно рассеянной стала.

– Зачем? – у меня брови от удивления норовили спрятаться где-то в волосах. – Чтоб тебя волки съели? И меня заодно.

– Не съедят, – настаивает корова. – Иди собирайся, – командует корова и я понимаю, что она от меня так просто не отстанет.

На переодевание у меня ушло не более пяти минут, после чего я вышла на улицу к корове.

– И куда мы в таком виде? – Буренка окинула придирчивым взглядом мои поношенные штаны из грубого домотканого полотна и вылинявшую холщовую рубаху, как знатная дама рассматривает крестьянку, посмеившуюся явиться ко двору.

– В лес, волков кормить, – недовольно проворчала себе под нос. – А что тебя не устраивает?

– Ну женственнее надо быть, – недовольно скривилась корова. – Изящнее, – добавила она фыркая.

– Думаешь волки любят больше когда их еда обета в кружева и рюшечки, – пошутила, недовольно скривившись.

– Да, что ты все заладила про волков-то, – нахмурилась Буренка. – Накликаешь еще.

– Действительно, что-то я вспомнила про волков, когда мне предлагают или ночью в лес. С чего бы это, ты не знаешь? – я вопросительно посмотрела на рогатую собеседницу и даже брови приподняла.

– Да ну тебя, – недовольно отвернулась Буренка, заканчивая наше препирательство.

Переодеваться времени не было, да и желания, если честно, тоже. Вышли мы, значит, в ночную темень. Лес встретил нас мрачной тишиной, нарушаемой лишь редкими шорохами и уханьем совы где-то вдалеке. Идти в одной рубашке было прохладно, но я терпела, мысленно проклиная корову и ее авантюрную затею, а заодно и себя, со своей глупостью.

– Ну и чего мы тут забыли? – ворчала я, спотыкаясь о корни деревьев в свете тусклой луны. Толстые штаны постоянно цеплялись за ветки, но выбора не было, юбки для таких лесных походов не годятся. – Я сейчас ноги переломаю и подам на тебя в суд, Буренка, за моральный ущерб. Хотя, какой тут суд... Леший разве что рассудит.

Корова, на удивление, молчала и деловито шла вперед, словно у нее в рога магический компас встроен. Я шла за ней, проклиная все на свете: и Буренку, и этот лес, и свое везение, благодаря которому я загремела в этот мир. Казалось, что волки вылезли из-под каждого куста и только и ждут момента, чтобы наброситься на дурочку в крестьянском облачении и парнокопытную авантюристку.

Внезапно Буренка резко остановилась, и я впечаталась в ее бок так, что чуть не свалилась с ног.

– Тссс, – прошептала она, прижавшись своим влажным носом к моему уху. – Слышишь?

Я напрягла слух, стараясь отделить лесные звуки от бешеного стука собственного сердца. И действительно, откуда-то издалека, из самой глубины леса, доносились приглушенные голоса. Различить слова было невозможно, но интонация... В ней сквозило что-то злое, угрожающее. Мы, словно два перепуганных зайца, притаились за огромным, давно засохшим деревом, поросшим мхом, словно ковром. Хотя я то как раз притаилась, а корова же наоборот прилегла, чтобы ее и-за кустов не видно было. Ветви этого дерева, скрюченные и сухие, напоминали костлявые пальцы, тянущиеся к луне. И тут я увидела их... Трое мужчин. Здоровенных таких, с угрюмыми лицами и явными признаками недовольства жизнью на лице. На бандитов из кино похожи, только вместо масок – щетина, засаленная одежда и кривые ухмылки, от которых кровь стыла в жилах. В руках у одного – короткий меч, у другого – дубина, а у третьего – лопата.

Они копались у корней дерева, что-то прятали в ямку, словно крысы, зарывающие добычу. Земля летела во все стороны, обнажая корни и комья глины. Потом один из них, самый здоровый и, видимо, главный – на нем была кожаная куртка и злобно блестели глаза, огляделся, сплюнул под ноги, и проговорил:

– Все, ребята, дело сделано. Теперь пару дней отсидимся в глуши, пока шумиха утихнет, и поделим купеческое добро по-братски. А потом – по тавернам с девами развлекаться, – и мужчина хохотнул.

Его слова, грубые и хриплые, прозвучали в ночной тишине, как выстрел. Они закопали яму, тщательно присыпали землей и слоем листвы, стараясь скрыть следы своих грязных делишек, и, похрустывая ветками, собрались уходить.

Я замерла от страха. Меня сковал ледяной ужас, заставивший все внутренности сжаться в тугой узел. Сердце колотилось как бешеное, во рту пересохло, словно я месяц не пила, а коленки предательски дрожали, грозясь выдать наше убежище. Господи, как так можно было влипнуть? Казалось, еще немного, и я просто отключусь от страха, рухну в обморок прямо под ноги этим негодяям. Но я держалась, вцепившись руками в шершавую кору старого дерева, словно от этого зависела моя жизнь. Хотя почему “словно”? Если они увидят, что я стала свидетелем того, как они прятали добычу, то я найду свой последний приют в наскоро выкопанной ямке неподалеку.

И тут эти разбойники заметили Буренку. Один из них присвистнул, оглядев корову похотливым взглядом.

– Гляньте-ка, братцы, какая телочка заблудилась. Да она сама к нам в руки идет. Богатый улов после тяжелой работенки, – и мужчина удобнее перебросил в руках короткий меч.

– А чего бы и нет, – ответил другой, тот, что с дубиной, потирая руки. – Корова в хозяйстве завсегда пригодится. Будет у нас теперь своя молочная ферма. И мясо всегда под рукой.

Я похолодела. Сейчас они нас схватят к чертям собачьим. Кто ж думал, что отправляясь ночью в лес надо опасаться не лесных жителей, а разумных двуногих.

Но Буренка оказалась не дурой. Видимо, у нее был свой план, хитро задуманный и исполненный с коровьей грацией.

Она вдруг издала громкое, раскатистое "Мууу!", развернулась и побежала в глубь леса, виляя задом и поднимая столб пыли, увозя всех троих здоровяков от моего укрытия. Разбойники, обалдев от такой наглости, на мгновение застыли в изумлении, а потом, опомнившись, с диким хохотом и матерной бранью бросились за ней, ругаясь на чем свет стоит. Особенно усердствовал тот, что с лопатой, грозясь пришибить "паршивую скотину".

Я стояла за деревом, не зная, что делать. Бежать? Кричать? Звать на помощь? Но кого звать? Лешего? Лесных духов? Или броситься на разбойников с голыми руками? Любая из этих перспектив казалась одинаково безнадёжной.

А потом подумала: "Стоп! Жертва Буренки не должна быть напрасной. Надо посмотреть, что там спрятали разбойники.

Любопытство, как известно, сгубило кошку, и я видимо решила, возомнила себя именно той самой кошкой. Я, дрожащими руками, начала разгребать землю у корней дерева. Ногти ломались о камни и корни, земля забивалась под ногти, но я продолжала копать, словно одержимая. И вскоре мои пальцы нащупали что-то твердое, прямоугольное, с тугими углами. Это был сундук. Вернее сундучок. Маленький, обитый железом, но если судить по весу, доверху набит чем-то тяжелым.

У меня от восторга перехватило дыхание. Вот оно. Чудо! Награда за смелость и любопытство. Прибыль о которой говорила коровья прорицательница. Я, не раздумывая, схватила сундук, подняла его, словно пушинку, как говорится своя ноша не тянет, а я уже решила, что это богатство досталось мне по справедливости, так что считала эту ношу своей. Я со всех ног побежала в сторону дома, молясь, чтобы разбойники не вернулись раньше времени, и чтобы с Буренкой было все в порядке. Казалось, что за спиной слышатся их крики и топот, и страх придавал мне сил.

Добежав до фермы, я рухнула на землю без сил, прямо у калитки. Сундук выпал из рук и глухо стукнул о землю. Сердце колотилось так, словно хотело вырваться из груди, в ушах стоял звон, а перед глазамиплыли черные круги. В руках я крепко сжимала старую ткань, которой был обернут сундук, словно это в случае чего могло бы меня защитить от чего-нибудь.

Но тут меня охватила тревога. А где же Буренка? Неужели ее поймали разбойники? Не случилась ли с ней чего плохого?

Я с трудом поднялась на ноги и стала ходить из стороны в сторону, прислушиваясь к каждому шороху, стараясь различить в ночной тишине её жалобное "Мууу".

И тут, внезапно, из леса вышла она – моя рогатая прорицательница, целая и невредимая, только немного запыхавшаяся и с испуганными глазами. Но главное – живая.

– Буренка! – закричала я, забыв про усталость и страх, и бросилась к ней на шею, крепко обнимая ее теплую, пахнущую травой морду. – Ты жива. С тобой всё в порядке? Где эти разбойники?

– Да набегалась я немного, – отмахнулась Буренка, как будто гонки по ночному лесу с вооруженными бандитами – обычное дело. – Сама вижу, ты тоже не скучала. Золотишко забрала?

– Забрала, – радостно воскликнула я кивая и показывая ей сундук. – Буренка, ты гений. Ты спасла меня. Ты самая умная и отважная корова в мире. Я теперь самая богатая женщина в этой деревне. Да что в деревне. Во всей округе!

– Вот и зафиксируй у себя в голове эти мысли, а на счет меня не переживай, не впервой от всякой шпаны по лесу убегать, – скромно сказала корова, ковыряя копытом землю.

– Но как ты... Как ты узнала про этих разбойников? – спросила я, опомнившись. – Откуда ты знала, куда нам идти? Откуда ты узнала, что они будут награбленное прятать и самое главное откуда узнала куда именно?

Буренка загадочно улыбнулась, и в ее глазах мелькнул озорной огонек.

– А я и не знала, – ответила она. – Просто почувствовала, куда нам надо идти. Почувствовала, что там нас ждет что-то хорошее. А разбойники... Ну, они сами на нас вышли.

Я уставилась на Буренку, пытаясь понять, шутит она или говорит серьезно. Но в ее глазах не было ни капли обмана. Да кто я такая, чтобы спорить с коровой, обладающей чутьем на золото и способностью перехитрить бандитов?

Теперь я уже ничему не удивляюсь. Главное, что теперь у меня есть деньги. И верная подруга (это я про корову), готовая ради меня на все. Даже на гонки с разбойниками по ночному лесу. И главное, надо придумать, как распорядиться деньгами, чтобы не привлекать внимание. Чтобы за мной с Буренкой не начали охоту эти грабители, которые могут догадаться, кто украл их добычу, да и на других каких-нибудь тоже нарываться не хотелось бы. Ну ничего, что-нибудь придумаем. Вместе же мы сила. Вместе мы – настоящая команда, как оказалось.

Глава 6.

Солнце едва выползло из-за горизонта, а я уже вовсю хлопотала по хозяйству. Пересчитав сокровища, что раздобыла ночью (золота, честно говоря, неприлично много, а уж драгоц

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.